

УДК 902 (407.13) «638»
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-17-23

А.М. МУРЫГИН

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ
КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

alek-murygin@yandex.ru

A.M. MURYGIN

**SOME ISSUES OF DEVELOPMENT
OF THE FAR NORTH-EAST OF THE EUROPEAN
PART OF RUSSIA IN THE IRON AGE
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA**

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktuykar*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности расселения разноэтнических групп по Вычегодско-Мезенской равнине и Печорской низменности в I тыс. н. э. и характер взаимодействия между ними. Анализируются процессы становления и развития региональных культур на Северо-Востоке европейской части России. Сделан вывод, что заселение территории протекало в форме перманентно происходивших разнотипных миграций. На природно-экономическую специфику хозяйственного освоения жизненного пространства, определявшую степень овладения территорией, влияли особенности формирования локальных коллективов, их географическое положение и присущие им средства и способы деятельности.

Ключевые слова:

северо-восток Европы, эпоха железа, освоение, взаимодействие, миграции

Abstract

The paper discusses the features of settlement of different ethnic groups on the Vycheгда-Mezen plain and the Pechora lowland in the 1st millennium A.D. It was established that the development of natural resources on the territory of the European northeast took place, as a rule, within the boundaries of the populated area and was inseparable from the processes of interaction between indigenous and foreign groups, i.e., it was not colonization or annexation. There are two main initial types of development of living space and corresponding territorial and economic anthropogenic complexes: hunters and fishermen of the Northern taiga forests and hunters of the tundra and forest-tundra with linear-focal settlement in the taiga zone and areal settlement in the tundra.

The natural and economic specifics of the economic development of the region were objectively influenced, first of all, by the peculiarity of the geographical location of the territory inhabited by local groups, large zonal mobility, dispersion of settling and migration mobility of various types. The probable reasons for resettlement to new lands are noted.

For the Pechora Urals, this is a sharp deterioration of the climate at the turn of the sub-boreal and sub-Atlantic periods, which resulted in a prolonged infiltration of the Arctic population south of the Arctic Circle. For the Vycheгда basin, the main factor can be the events of the era of the Great Migration of Peoples, which led to the appearance of the Kharinsky type necropolises there. The latter are also known in the Pechora basin, where West Siberian sites with figured-stamped ceramics are simultaneously distributed. Later, the multi-sectoral development of natural resources in most of the European North-East by different ethnic mobile hunting and fishing groups, based on the traditions of the appropriating economy, probably took place mainly within the boundaries of local habitats.

Keywords:

European North-East, Iron Age, development, interaction, migration

Введение

Археологические работы на северо-востоке Европы являются одними из первостепенных в решении ряда актуальных фундаментальных научных проблем финно-угорской (уральской) археологии эпохи железа.

Между тем, один из узловых вопросов древней истории региона, крайне важный для понимания становления современных народов Севера, до сих пор не нашел должного освещения в археологии Северного Приуралья. К нему относится исследование специфики освоения ресурсов природно-географической среды обитания на севере Евразии.

Изучение хозяйственного освоения пространств европейского Северо-Востока позволяет более детально рассмотреть динамику заселения этого региона России, миграционные процессы и взаимодействие коллективов.

Обсуждение материалов

На рубеже раннего железного века-средневековья освоение территории европейского Северо-Востока проходило при постоянном взаимодействии местных и пришлых групп населения. В бассейне Вычегды и Печоры появляются могильники под насыпями, широкое распространение получают поселения с гребенчатой, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой – памятники *шойнатыйского культурного типа* [1]. Сформировавшись в восточной части бассейна Вычегды в результате смешения, в основном, местных позднегляденовских и привнесенных извне харинских (прикамских) этнокультурных традиций, они в таком двухкомпонентном виде впоследствии распространяются в таежное Припечорье.

В таежной полосе Припечорья заметно проявляют себя культурные традиции северно-тундрового и восточно-нижеобского происхождения. Однако здесь, в отличие от бассейна Вычегды, где гляденовские коллективы (джуджыдъягская культура) существуют до V в. н. э., на Печоре гляденовские традиции практически полностью были трансформированы к III или IV в. н. э. [2]. Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине гляденовской культурной общности, явилось сложение при участии одной из культур этой общности – пиджской, *бичевницкого культурного типа* с каннелированной глиняной посудой [1, 3]. Не исключено, что на сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали также влияние контакты с теми же северными группами западно-сибирского прасамодийского населения, которые приняли участие в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской). В то время, когда вычегодское позднегляденовское население испытывало существенные изменения в культуре из-за вхождения в его состав харинских групп, родственные коллективы пиджской археологической культуры таежного Припечорья начали контактировать с носителями кулайской культуры Зауралья. Наблюдается и обратный про-

цесс: раннебичевницкие группы осваивают районы бассейна р. Вычегда, Большеземельской тундры и Северного Прикамья, достигая устья р. Чусовая (свыше 400 км южнее верховий р. Вычегда), восточного Приуралья.

Появление субарктических групп населения к югу от Полярного круга согласовывается с ухудшением климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов (Л.Н. Андреичева, Н.Я. Кац, В.А. Климанов, М.И. Нейштадт, Л.Д. Никифорова, Н.А. Хотинский, А.В. Шнитников и др.) [1, с. 170, 171]. На европейском Северо-Востоке происходит сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны – граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной [4, с. 160]. Такое кардинальное изменение среды обитания является серьезной побудительной причиной для оттока части населения из Заполярья и освоения ими более благоприятных для проживания южных районов Печорской низменности.

Принципиальное значение для понимания особенностей взаимодействия на этом этапе имеет то, что проникновение в гляденовский ареал Припечорья и Привычегодья групп инородного населения происходило постепенно, в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н. э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами на европейском Северо-Востоке появляется уже в конце III–II вв. до н. э. [2, с. 379], что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса. Однако долгое время в предложенной культурно-исторической схеме и ее обосновании имелось одно слабое место. Арктический компонент бичевницкого культурного типа должен был быть старше самого типа. Это не согласовывалось с первоначальной датировкой, согласно которой арктический компонент был примерно синхронен бичевницким древностям. В последнее время появились данные, которые снимают это противоречие. Серьезным аргументом в пользу предложенной схемы культурогенеза бичевницкого населения таежного Припечорья стали результаты ¹⁴C-датирования. Они позволили выделить в средневековых керамических комплексах Большеземельской тундры материалы более раннего этапа развития субарктической культуры – раннего железного века [3]. Ранее достоверные доказательства наличия в европейских тундрах поселений местного населения того времени отсутствовали.

К началу втор. пол. I тыс. н. э. в регионе сложились новые археологические образования. Между Тиманом и Уралом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ареал которой сократился до районов таежного Припечорья. Появляются поселения выходцев из Нижнего Приобья. К западу от Тимана на основе шойнатыйских формируются *ламятники ванвиздинской культуры*. Основной территорией обитания ванвиздинского населения была средняя, в меньшей степени верхняя и нижняя Вычегда, откуда они распространились в бассейн

средней и верхней Мезени [5]. Взаимодействие с нижнеобским и/или родственным ему печорским населением наложило свой отпечаток появлением на типичной ямочно-гребенчато-шнуровой вычегодско-мезенской ванвиздинской глиняной посуде узоров из различных фигурных штампов, мотива свисающих фестонов, отступающей техники орнаментации и утолщения края сосудов.

Не менее существенными для ванвиздинского населения являлись контакты с коллективами верхнего Прикамья. Через территорию ломоватовской культуры на среднюю Вычегоду шло поступление вещей, относящихся к импорту из областей сасанидского Ирана и античного мира. Такие изделия найдены в поздней (безкурганной) группе погребений Веслянского I могильника, датировемых VII – нач. VIII в. н. э. В это же время на вычегодских и мезенских памятниках появляется керамика ломоватовско-ванвиздинского облика с многошнуровой орнаментацией тохтинского типа [6]. Наблюдается и обратное движение. Не позднее чем с конца VI в. н. э. север Прикамья становится областью хозяйственно-культурного освоения со стороны вычегодских групп ванвиздинского населения, а миграции небольших групп ванвиздинцев в верхнее Прикамье прослеживаются вплоть до конца существования ломоватовской культуры. В последней четверти I тыс. н. э. ванвиздинские группы стали фактором постоянного или периодического присутствия не только в северных районах Прикамья, где начинают контактировать с продвигающимися сюда же коллективами позднеломоватовского времени, но и в междуречье нижней Вычегоды, Малой Северной Двины и Юга [5].

В то же время на территории Припечорья длительное взаимодействие различных по происхождению групп (начиная с эпохи энеолита и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий) привело к тому, что здесь на керамике местного населения сер. - втор. пол. I тыс. н. э. намного более явно, чем в вычегодско-мезенском регионе, наблюдается смешение признаков, имеющих различный генезис. По всей области расселения приуральских племен – между Уральскими горами, хребтом Пай-Хой и Тиманским кряжем – на местной раннесредневековой керамике (*позднебичевницкой* в тайге и *субарктической* в тундре) выявлены элементы, выступающие в чистом виде или получившие преимущественное развитие в западносибирских культурах с гребенчато-фигурно-штамповой посудой, а в таежной полосе бассейна Печоры – также и в территориально близких приуральских и зауральских культурах с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики.

Одновременно из числа поселений и жертвенных мест Печорского Приуралья выделяются памятники с бесспорно нижнеобской керамической посудой, что является фактом непосредственного и постоянного присутствия обско-зауральских групп в южной части бассейна Печоры (от верховий до устья рек Подчерема, Щугора и Сопляса). Свидетельством освоения районов Припечорья коллективами зауральского круга культур является также

инвентарь печорских «кладов», часть из которых относится к западносибирским памятникам (Усть-Сопляский) или, по крайней мере, заметно отличается от классических образцов «пермского» звериного стиля, они неоднородны и несут зауральские черты (К.И. Корепанов, В.А. Оборин, В.Н. Чернецов, А.В. Шмидт и др.). По всей территории Печорского Приуралья известны изделия зауральского облика («трехрогие» личины из д. Хабариха и с р. Сандибейю, поясные пряжки и культовые ложки со звериными головами в жертвенной позе; гравированные на серебряной бляхе изображения фигурок в трехконечных головных уборах с саблями в руках и др.).

Учитывая археологические источники предшествующих эпох [7], можно предположить, что «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности было неоднородным. Эти северные территории осваивали разноэтничные группы. В Припечорье обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый, в основном, зауральскими инфильтрациями местный (угорский или самодийский) этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью этого региона европейского Северо-Востока с эпохи раннего металла. Формирование археологических культур таежной полосы Припечорья проходило на фоне многовековой трансформации этнокультурных традиций финно-пермского компонента печорского ананьинско-гляденовского и более древнего населения, дальнейшего развития близкородственного нижнеобскому местного (бичевницкого) культурного комплекса, при одновременном прямом проникновении коллективов из западносибирского ареала обитания.

Меньше данных о контактах средневекового населения Ижмо-Печорского бассейна с заполярным населением. Пока известно не менее пяти поселений (Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова) [1], небольшая доля керамики которых свидетельствует о проникновении коллективов субарктического региона северо-востока Европы в таежную зону Припечорья вплоть до 63° северной широты.

Взаимодействие раннесредневекового населения таежного Припечорья с финно-пермскими коллективами Прикамья было менее интенсивным и ограничивалось, скорее всего, отношениями, не затрагивающими основы культуры. Показательным примером непосредственных контактов печорского населения с прикамским являются находки позднебичевницкой керамики в районе Чусовского озера и на р. Вишера в Северном Прикамье. На печорских памятниках представлены другие категории находок, прототипы которым, в любом случае, были выработаны вне ареала обитания населения печорской тайги и попадали на север, видимо, путем торгово-обменных операций. К ним относится часть инвентаря жертвенных мест и кладов, находки на поселениях, аналогии которым уходят в прикамский регион Приуралья. Через болгарских посредников по Камско-Волжскому торговому пути в Припечорье

попадали серебряные сасанидские монеты и брактеты с оттисками дирхемов саманидской чеканки (Канинская, Уньинская пещеры), которые использовались североуральским населением в качестве украшений или культовых предметов.

На формирование культурных традиций населения заполярных областей северо-востока Европы также оказывали постоянное влияние археологические культуры западносибирского ареала, носители которых осваивали арктический широтный ход. Источники очерчивают круг археологических комплексов эпохи железа, предположительно соответствующих этно-территориальным локальным группам [8].

С момента первоначального поступления археологических материалов из циркумполярного Севера Печорского Приуралья и до середины 90-х гг. прошлого века, знания о древностях северных областей основывались, как правило, на сборах подъемного материала и редких раскопках в различных частях Мало- и Большеземельской тундры (Г.А. Чернов и др.). Однако за последние 30–35 лет были исследованы и частично или практически полностью введены в научный оборот как известные, так и новые археологические памятники, в том числе, эпохи железа (И.Б. Барышев, О.В. Овсянников., В.В. Питулько, А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, Л.П. Хлобыстин).

Несмотря на слабую и неравномерную археологическую изученность территории, увеличение объема источниковой базы позволило разграничить казавшийся более или менее однородным массив данных. Анализ, в основном, керамической посуды дал возможность выявить существование в эпоху железа в тундрах крайнего северо-востока Европы не менее двух локальных групп населения.

Первая из них известна по неукрепленным поселениям и жертвенным местам, расположенным преимущественно по берегам рек и озер более всего в континентальной части, меньше в прибрежно-береговой полосе Большеземельской тундры, а также на о-ве Вайгач. Материальные остатки этих памятников идентифицируют их как принадлежащих культуре *субарктического типа* [1]. В их числе – жертвенные места на р. Море-ю (Хэйбидя-Пэдара) и, возможно, на о-ве Вайгач (Болванский нос I, II), исследованные раскопками на различной площади поселения Море-ю II, Хутьюнкосе I, Коматывис I, Мыс Входной, Карпова Губа, Салиндейты 3, многочисленные разрушенные стоянки. Близкие аналогии находят на ямальских памятниках эпохи железа.

На керамике втор. пол. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э. (*типы Море-ю и Хутьюнкосе*) прослеживаются следующие общие признаки: 1) утолщенная шейка; 2) ямочно-ребенчато-каннелированный стиль орнамента; 3) овальные или с заovalенными концами зубчатые оттиски; 4) многозональность в украшении шейки; 5) использование в композиции удвоенного или окаймляющего зигзага; 6) разделение узоров на шейке на две зоны; 7) нанесение узоров в стыке каннелюр, между каннелюрами и в каннелюре; 8) общий характер узоров, состоящих из наклонных, вертикальных оттисков, гори-

зонтальных линий, зигзага.

Более поздняя керамика (*тип Коматывис*; втор. пол. I н. э. – рубеж I–II тыс. н. э.), продолжающая традиции предшествующей, характеризуется следующими признаками: 1) утолщенная шейка; 2) кроме чашевидных, в числе реконструированных – горшковидные сосуды с уплощенным и митровидные с округло-приостренным дном, есть сосуды на поддонах; 3) внутренний участок шейки орнаментирован; 4) специфическим узором на шейке являются два ряда многозубых печатных или сочетание многозубых печатных и удлинненно-гладких вдавлений; 5) для орнамента плечиков характерны горизонтальные линии гребенки, зубчатый зигзаг, арочно-ногтевой гладкий узор, округлые и сегментовидные гладкие вдавления, кругло-крестовый штамп, треугольные фестоны в конце орнаментальной зоны. На отдельных сосудах прослежены каннелюры, оттиски отступающего зубчатого (узкого прямого, широкого овального или подпрямоугольного) и фигурного штампа.

Вторая группа тяготеет к долине Заполярной Печоры. Она представлена памятниками *новоборского типа* втор. пол. I – перв. пол. II тыс. н. э. [9–11]. К ним относятся: городища Новый Бор I–IV (XII–XIII вв. н. э.), Ортинское (VI – нач. XI вв. н. э.), Кобылиха (втор. пол. I – перв. пол. II тыс. н. э.), Гнилка городище (VI–X вв. н. э.) и святилище (VI–XIII вв. н. э.), поселение Денисовский Шар (XII–XIII вв. н. э.), Коткино I (перв. четв. II тыс. н. э.) и Югорская сопка (V–VII вв. н. э.). Аналогичные комплексы пока не известны в сопредельных районах таежной и тундровой зон европейского Северо-Востока.

Они образуют нижнепечорский ареал средневековых памятников с разновременной, но практически однотипной керамикой, наличием явных следов металлообработки и металлургии, в том числе железоделательного производства, единичными находками древнерусской керамики в поздних материалах. Для них характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка) наличие укреплений в виде валов и рвов (Ортино, Гнилка, Кобылиха, возможно, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки неглубокой канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). К признакам основной части керамического комплекса относятся сосуды с равноутолщенной прямой или отогнутой шейкой, наличием сосудов горшковидной формы и поддонов, грубое заглаживание стенок в виде глубоких широких расчесов, в орнаменте – вертикальные фестоны и оттиски фигурных штампов, каннелюры, многозональность в украшении венчика, тщательность нанесения узоров.

На основании вышеизложенного и известного размещения памятников не будет ошибочным предположить, что на европейском Северо-Востоке в эпоху железа преобладали два основных первоначальных типа освоения территориально-пространства и соответствующих им территориально-хозяйственных антропогенных комплексов: охотники и рыболовы северных таежных лесов, охотники тундры и лесотундры с линейно-очаговым расселением в таежной зоне и площадным в тундре. При

этом достаточно очевидна необходимость применения дифференцированного подхода. В зависимости от районов проживания и этапов развития местных культур менялись как уровень оседлости, так и соотношение присваивающих и производящих элементов в структуре их хозяйствования и, соответственно, степень овладения территорией.

Также можно полагать, что основной формой хозяйственного освоения территории являлись перманентно происходящие разнотипные миграции. Они оказали серьезное влияние на особенности становления и развития локальных культур ранне-средневекового таежного населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры. Следствием постоянных миграционных подвижек в I тыс. н. э. явились радикальные изменения в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен стало выраженное своеобразие ранне-средневековых культур, которые можно определять, как *синкретические*. Они представляли единство неоднородных исходных компонентов, что особенно ярко проявилось в материальной культуре населения таежного Припечорья [12]. Благодаря своеобразию расположения территории, её значительная часть оказалась зоной постоянных и длительных контактов групп угорского, самодийского и пермского населения. В числе предпосылок невысокого уровня культурной дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения еще и дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Этому способствовала также специфика географического положения обитаемого пространства (выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной – тундра-тайга и долготной – Европа-Сибирь, значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом).

Что касается освоения северной окраины Печорской низменности, включающей тундровую зону и примыкающие районы крайне северной тайги, то этот процесс также происходил под существенным влиянием с территорией, расположенных к востоку от Уральского хребта.

Древние аборигенные коллективы, археологически представленные памятниками субарктического типа, по крайней мере с эпохи раннего железного века, были приспособлены к обитанию не только большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр, но и на их прибрежно-береговых участках и островах (о-в Вайгач). Оставившее археологические памятники новоборского типа население, археологически выявляющееся не ранее середины I тыс. н. э., осело в лесотундровом ландшафте широкой долины нижней Печоры. Способ деятельности этих коллективов определялся в значительной степени, видимо, условиями проживания вблизи главной водной магистрали Северного Приуралья, на пограничье с ти-

пичной тундрой. В число основных дифференцирующих признаков, выявленных севернее Полярного круга этнокультурных образований эпохи железа, входили особенности естественно-географической среды обитания, природно-ресурсного потенциала и соответствующего жизненного уклада, определявшие специфику их проживания в условиях Заполярья.

Пока отсутствуют доказательства прямой связи континентально-тундровых и нижнепечорских археологических памятников эпохи железа с какой-либо из известных западносибирских культур. С другой стороны, большеземельская керамическая посуда демонстрирует общее сходство с угорским, самодийским или угро-самодийским кругом обскопечорских археологических культур, что указывает на участие последних в формировании коллективов Большеземельского севера. Однако на данном этапе исследования мы не можем ни отрицать, ни утверждать того, что западносибирская «вуаль» на памятниках эпохи железа припечорских тундр является результатом миграции в представительных количествах, разовым проникновением или результатом многовековой инфильтрации в автохтонную среду, слиянием с предшествующими поколениями и адаптацией к специфичной среде обитания в высоких широтах. Между тем, все более наглядно археологическими работами последних лет в Арктической зоне северо-востока Европы проявляется обособленная этно-территориальная группа средневекового населения, памятники археологии которой дают сейчас возможность более предметно подойти к проблеме соотнесения с летописной «печерой» конкретных объектов древней материальной культуры. Их дальнейшие судьбы предопределило, видимо, обитание в пограничной зоне колонизационного контакта или линии «арктического фронта» между осваивавшим в перв. пол. II тыс. н. э. Европейский Север древнерусским населением и кочевыми ненецкими группами.

Выводы

Таким образом, освоение природных ресурсов на европейском Северо-Востоке в I тыс. н. э. происходило, как правило, в границах заселенного пространства и было неотделимо от одновременно происходящих процессов взаимодействия местных и пришлых групп населения, т. е. не являлось колонизацией или присоединением. Реже наблюдается использование в качестве охотничьих угодий обезлюдивших или незаселенных районов (верхняя, средняя Мезень, верхнее Прикамье).

В целом освоение крайнего Северо-Востока европейской части России в эпоху железа можно охарактеризовать как «комбинированное». В таежной и частично лесотундровой зонах система расселения была преимущественно вдоль берегов рек с концентрацией мест обитания в археологических микрорайонах (АМР), изобилующих рыбой, птицей, зверьями, грибами, ягодой и отличающихся удобством для устройства сезонных или постоянных стоянок и поселений. Последние можно определить как участок местности, в пределах которого совокуп-

ность благоприятных факторов естественной среды обитания была наиболее достаточна для устойчивого существования коллективов в данном месте на определенном отрезке времени. В континентальной тундре Северного Приуралья в используемые уголья кочевое население включало не только берега рек и озер, но и переувлажненные междуречья и морское побережье. Как в таежной, так и в тундровой зоне, население пользовалось естественными ресурсами, жило за счет окружающего природного ландшафта.

Причины для расселения на новые земли на этапе становления культур раннего средневековья, сопровождавшегося культурным дрейфом в иноэтническую среду, были различны. Для Печорского Приуралья ключевым моментом являлось резкое ухудшение климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов, следствием чего явилась продолжительная инфильтрация арктического населения к югу от Полярного круга. Для бассейна Вычегды главным фактором следует считать исторически обусловленные события эпохи Великого переселения народов, приведшие к появлению здесь некрополей с надмогильными сооружениями харинского типа. Последние известны также и в бассейне Печоры, где одновременно получают распространение западносибирские памятники с фигурно-штамповой керамикой. В дальнейшем многоотраслевое освоение природных ресурсов большей части европейского Северо-Востока разноэтническими мобильными охотничье-рыболовческими группами, основанное на традициях присваивающей экономики, происходило, видимо, преимущественно в границах локальных территорий обитания.

Проблема хозяйственного освоения крайнего северо-востока Европы в эпоху железа представляется достаточно важной и актуальной для создания комплексной картины расселения и взаимодействия разноэтнических коллективов на пространствах циркумполярной зоны Северного Приуралья и изучения динамических процессов прошлого в культуре финно-угорских и самодийских коллективов.

Настоящая работа написана на анализе сравнительно небольшого объема археологических источников и вряд ли в полной мере отвечает на поставленные в ней вопросы. Это свидетельствует о необходимости продолжения исследований в данном направлении.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научно-го проекта № 20-49-110002.

The reported study was funded by RFBR and region's Komi Republic, project number № 20-49-110002.

Литература

1. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
2. *Васкул И.О.* Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.
3. *Мурыгин А.М., Косинцев П.А., Марченко-Вагапова Т.И.* Поселение раннего железного века охотников на северного оленя в Большеземельской тундре (территория Ненецкого автономного округа) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2019. № 3 (47). С. 74–84.
4. *Никифорова Л.Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1982. С. 154–162.
5. *Мурыгин А.М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 218 с.
6. *Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005. 56 с. (Науч. докл. / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 476).
7. *Коллектив авторов.* Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.
8. *Мурыгин А.М.* О выделении локальных групп населения эпохи железа на крайнем северо-востоке Европы // V Северный археологический конгресс: Тезисы докладов (11–14 декабря 2019 г. Ханты-Мансийск). Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфо-Принт», 2019. С. 262–265.
9. *Мурыгин А.М., Кленов М.В.* Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2015. № 3 (23). С. 119–131.
10. *Мурыгин А.М.* Арктический регион крайнего Северо-Востока европейской части России в эпоху средневековья // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 183–203.
11. *Мурыгин А.М.* Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I./Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа, ГБУК «ИКиЛМЗ «Пустозерск», Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН».Нарьян-Мар–Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2019. 96 с.
12. *Мурыгин А.М.* Миграции как способ взаимодействия населения крайнего Северо-Востока европейской части России в раннем средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 254–258.

References

1. *Murygin A.M.* Pechorskoe Priural'e: epoha srednevekov'ja [The Pechora Sub-Urals: the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1992. 182 p.
2. *Vaskul I.O.* Pamjatniki gjladenovskoy kul'turnoy obshchnosti // Archeologija Respubliki Komi [Sites of the Glyadenovo cultural community // Archeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK, 1997. P. 349–399.
3. *Murygin A.M., Kosintsev P.A., Marchenko-Vagapova T.I.* Poselenie rannego zhelezного века ohotnikov na severnogo olenja v Bol'shezemel'skoy tundre (territorija Neneckogo

- avtonomnogo okruga) // *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii* [Early Iron Age settlement of reindeer hunters in the Bolshezemelskaya tundra (territory of the Nenets Autonomous Okrug) // *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*]. Novosibirsk. 2019. № 3 (47). P. 74–84.
4. *Nikiforova L.D.* Dinamika landshaftnyh zon golocena severo-vostoka Evropeyskoy chasti SSSR // *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystocene i golocene* [Dynamics of the Holocene landscape zones in the North-East of the European USSR // *Development of the nature of the territory of the USSR in the Late Pleistocene and Holocene*]. Moscow: Nauka, 1982. P. 154–162.
 5. *Murygin A.M.* Arheologicheskie pamjatniki vanvizdinskoy kul'tury basseyna Mezeni [Archaeological sites of the Vanvizdino culture of the Mezen basin]. Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2001. 218 p.
 6. *Murygin A.M., Savelyeva E.A.* Poselenie Tohta epohi rannego srednevekov'ja v bassejne nizhney Vychehdy [Tokhta settlement of the Early Middle Ages in the Lower Vychehda basin]. Syktyvkar, 2005. 56 p. (Sci. Reports / Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS; Issue 476).
 7. *Team of authors.* Arheologija Respubliki Komi [Archaeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK, 1997. 758 p.
 8. *Murygin A.M.* O vydelenii lokal'nyh grupp naselenija epohi zheleza na krajnem severo-vostoke Evropy // V Severnyj arheologicheskij kongress. Tezisy dokladov [On the identification of local groups of population of the Iron Age in the Far North-East of Europe // *Vth Northern Archaeological Congress: abstracts*]. (December 11-14, 2019, Khanty-Mansiysk). Ekaterinburg: Universal printing house "Alfo-Print", 2019. P. 262–265.
 9. *Murygin A.M., Klenov M.V.* Novye arheologicheskie issledovanija kompleksa Novyj Bor III v Pechorskome Zapoljar'e [New archaeological research of the Novyj Bor III complex in the Pechora Transpolar North] // *Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS*. 2015. № 3 (23). P. 119–131.
 10. *Murygin A.M.* Arkticheskij region krajnego severo-vostoka evropeyskoy chasti Rossii v epohu srednevekov'ja // *Arheologija Arktiki* [Arctic region of the extreme North-East of European Russia in the Middle Ages // *Archaeology of the Arctic*]. Kaliningrad, 2016. Issue 3. P. 183–203.
 11. *Murygin A.M.* Poselenie Yugorskaja sopka. Drevnosti Gorodeckogo ozera [Yugorskaya Sopka settlement. Antiquities of lake Gorodetsky]. Issue I / Department of education, culture and sports of the Nenets Autonomous Area, IKiLMZ "Pustozersk", Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Naryan-Mar-Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2019. 96 p.
 12. *Murygin A.M.* Migracii kak sposob vzaimodeystvija naselenija krajnego severo-vostoka evropeyskoy chasti Rossii v rannem srednevekov'e [Migrations as a way of interaction between the population of the extreme North-East of European Russia in the Early Middle Ages] // *Bull. of Tomsk State Univ. History*. 2013. № 3 (23). P. 254–258.

Статья поступила в редакцию 19.05.2020